

ЛИНГВОТОЛЕРАНТНОСТЬ VS ЛИНГВОКОНФЛИКТОГЕННОСТЬ

УДК 81'42

Путина Ольга Николаевна

Старший преподаватель кафедры английского

языка профессиональной коммуникации,

Пермский государственный национальный

исследовательский университет

614099, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

Тел.: +7 (342) 2396833, e-mail: onputina@mail.ru

ЛИНГВОКОНФЛИКТОГЕННОСТЬ КАК ПАРАМЕТР НАЦИОНАЛЬНОГО СТИЛЯ ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ)

В предлагаемой статье понятие национального стиля вербальной коммуникации рассматривается с точки зрения двух параметров: лингвоконфликтности и лингвотолерантности. Функциональный подход к исследованию позволяет выявить типичные языковые средства актуализации лингвистической конфликтности в русском и английском языках – дискурсивные маркеры, прагматический потенциал которых заключается в совокупности их функций, реализуемых в контексте. С применением корпусного анализа языковые средства изучаются на аутентичных речевых употреблениях. Подобные «конфликтные» средства усиливают категоричность высказывания, повышают градус коммуникации, интенсифицируют негативную тональность речи. Изучение лингвоконфликтности необходимо для дальнейшего исследования типичных языковых средства актуализации лингвистической толерантности в свете глобализации, межкультурной коммуникации, интеграции, миграции и урбанизации современного общества. Каждая лингвокультура обладает своей спецификой и критериями оценки конфликтности высказывания.

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, лингвоконфликтность, лингвотолерантность, национальный стиль вербальной коммуникации, дискурс повседневности, дискурсивный маркер, прагматический потенциал, функция, контекст.

Введение

В эпоху глобализации экономики, высокой мобильности, быстрого развития коммуникации, урбанизации и преобразования социальных структур исследование проблемы национального стиля вербальной коммуникации с позиции лингвоконфликтности и лингвотолерантности становится особенно актуальным. В свете межкультурной коммуникации и миграционной лингвистики данная проблема обретает как теоретическую, так и практическую значимость. Применение функционального подхода позволяет обратиться к различным языковым средствам актуализации лингвистической конфликтности дискурса, обнаруживая при этом возможные национальные, культурные и психологические барьеры.

Основная часть

Понятия *лингвоконфликтность* и *лингвотолерантность* следует рассматривать прежде всего через понятие *толерантность*, определение которому дано в Декларации принципов толерантности, утвержденной резолюцией 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года: «*Толерантность* означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это гармония в многообразии» [Декларация принципов толерантности, эл. ресурс].

Соответственно, *интолерантность* является противоположным понятием: это нетерпимость, в основе которой лежит неприятие Другого, его культуры, форм самовыражения и различных способов проявлений человеческой индивидуальности. По типу речевого поведения личность можно рассматривать как *лингвотолерантную* или *лингвоконфликтную*. Для *лингвотолерантной личности* характерно сохранение коммуникативного пространства партнера, сбалансированный диалог, смена коммуникативных ролей, владение стратегиями и тактиками ухода от конфликта [Воронцова, 2009, с. 4–6]. *Лингвоконфликтная личность*, напротив, отличается нарушением коммуникативного пространства, затруднениями в процессе обмена информацией, проявлениями вербальной агрессии, отсутствием стратегии взаимодействия и, в результате, продуктивного общения [Путина, 2020, с. 67].

Для каждого национального стиля вербальной коммуникации, а также для коммуникативной культуры в целом характерны и лингвотолерантность, и лингвоконфликтность. Причины существования последней могут носить разный характер.

Во-первых, конфликт в языке неизбежен, поскольку, по мнению Э. Фромма, агрессия постоянно присутствует в организме человека как импульс, обусловленный самой природой [Фромм, 1973, с. 126–127]. Во-вторых, нарастанию лингвоконфликтности способствует массовое распространение коммуникации в виртуальном мире с присущей ему анонимностью, относительной безнаказанностью и безответственностью [Будко, 2016, с. 20]. В-третьих, различного рода лингвистические конфликты являются маркерами не только состояния языка, но и социальных и политических проблемы общества [Кронгауз, эл. ресурс].

Национальный стиль вербальной коммуникации Т. В. Ларина характеризует как «совокупность исторически сложившихся и закреплённых традицией особенностей использования языка, характерных для носителей данной лингвокультуры, национально-специфический тип коммуникативного поведения, формируемый социально-культурными отношениями и ценностями» [Ларина, 2005, с. 30–31].

В рамках нашего исследования мы обращаемся к русскому и английскому национальным стилям вербальной коммуникации. Очевидно, что различные коммуникативные культуры и национальные стили вербальной коммуникации обладают собственными специфическими чертами. Так для английского национального стиля вербальной коммуникации типична такая доминанта как *коммуникативная неимпозитивность* – недопустимость прямого воздействия на собеседника или же минимальное воздействие. Подобная коммуникативная неприкосновенность базируется на автономии личности – *privacy*. Данная особенность проявляется в английской коммуникации на уровне использования языковых средств, коммуникативных стратегий и речевых актов. Как следствие для английского стиля коммуникации характерны такие черты, как косвенность, непрямолнейность, некатегоричность, уклончивость.

Русскому национальному стилю присуща *коммуникативная импозитивность* – допустимость оказания прямого воздействия на собеседника, поэтому русский стиль коммуникации отличается прямолинейностью, однозначностью, категоричностью [Ларина, 2005, с. 29].

Довольно часто представители русской лингвокультуры строят неприемлемо резкие, не сглаженные, недостаточно вежливые с точки зрения иноязычной культуры высказывания, которые носители английского языка обычно характеризуют прилагательным *blunt* (грубоватый, резкий, прямой). Это является одним из характерных обвинений в адрес русскоязычных пользователей английского языка [Горина, Храброва, 2017, с. 50]. В итоге «с точки зрения способа выражения коммуникативных интенций английский стиль коммуникации можно назвать косвенным, а русский – прямым» [Ларина, 2005, с. 30].

Современные лингвисты исследуют лингвоконфликтogenность и лингвотолерантность на материале разных типов дискурсов: рекламного [Шустова, Платонова, 2016]; миграционного [Зубарева, Шустова, 2019; Царенко, 2019]; медийного [Рязановский Л. М., 2020]).

Наше исследование направлено на изучение данной проблемы в рамках диалогического *дискурса повседневности* – системы элементов разной степени сложности и комплексности, функционально объединенных в структуру общей концепцией. В отличие от других видов дискурса повседневный дискурс является наиболее частотным, характеризуется неинституциональными принципами объединения участников, локальностью целей, открытостью тематической структуры, наличием свободных психологических установок участников дискурса, первичностью коммуникативных стратегий и жанров речевого общения, а также особой интертекстуальной активностью и высоким уровнем вариативности [Тубалова, 2011, с. 51–52]. Примерами данного вида дискурса служат реплики диалогов на русском и английском языках из следующих корпусов: Национальный корпус русского языка (НКРЯ), British National Corpus (BNC), Corpus of Contemporary American English (COCA).

Функциональный аспект исследования дискурса повседневности позволяет выявлять и изучать типичные языковые средства актуализации лингвоконфликтogenности как в русском, так и в английском языках. Подобные «конфликтogenные» средства усиливают категоричность и интенсифицируют негативную тональность высказывания. Так, например, по мнению И. В. Глуховой, наиболее распространенными лексико-семантическими способами выражения конфликтogenности на примере англоязычных печатных СМИ являются негативизмы, метафора, ирония и языковая демагогия [Глухова, 2017, с. 68].

В данном исследовании в качестве примеров актуализации лингвоконфликтogenности в дискурсе повседневности были выбраны дискурсивные маркеры. Под дискурсивным маркером мы понимаем языковую единицу, которая используется в дискурсе, организует дискурс, выполняет определенные функции и осуществляет своего рода маркирование смыслов, передает дополнительную информацию интенциональной направленности [Царенко, Шустова, 2018, с. 45]. Дискурсивные маркеры способны отражать отношения между элементами структуры дискурса, регулировать интеракцию между коммуникантами, активно «вписывать», «встраивать» высказывание в контекст [Шустова, Журавлева, Путина, Исаева, 2020, с. 107].

В качестве примеров дискурсивных маркеров, актуализирующих лингвоконфликтogenность, приведем следующие единицы:

1. Русский язык:

Ну; а ну; ну-ка; надо же; быстро; короче; немедленно; давай; в смысле, кто бы говорил; значит; тебе не дано; мне лучше знать; так; как хочешь; как знаешь; между прочим; а как же; и разговора быть не может; вот тебе раз; ишь ты; так ведь; не так ли; не судьба.

2. Английский язык:

Well; well, well, well; now; now then; fine; anyway; wow; derp; damn; sqwee; yech; yuck; is it; what do you mean; how could you; what on earth; what the hell; are you kidding me; why should I; you must be joking.

Прагматический потенциал данных маркеров заключается в совокупности их функций, реализуемых в контексте. Следовательно, в качестве методов исследования мы выбираем контент-анализ как содержательную интерпретацию количественных данных, а также лингвистический анализ, предполагающий описание языковых средств, участвующих в актуализации феномена лингвоконфликтности. Более подробно рассмотрим следующие дискурсивные маркеры, являющиеся высокочастотными и типичными для жанра диалогического дискурса повседневности:

1. Русский язык:

Значит; ну-ну:

– *Да я вижу, вижу, – насмешливо произнёс муж. – Значит, теперь и мама целыми днями будет резаться на компьютере. Ну-ну.* – Ты знаешь, мне Павлик показал такую интересную программу – там можно вставить свою фотографию и примерять к ней разные причёски, одежду, макияж... [Елена Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», 2004, НКРЯ].

В данном примере дискурсивные маркеры *значит* и *ну-ну* актуализируют следующие функции вызова, осуждения, иронии.

В смысле:

– *В смысле, что ж это такое надо сделать, чтоб выгнали из школы! А вылететь из универа – нефик делать... Конечно, в универе и самостоятельней, и взрослей, и все такое...* [Kogotok, nick] Форум: Школа или универ где легче? (2006), НКРЯ].

Дискурсивный маркер *в смысле* в данном контексте выполняет функции возмущения, удивления, недовольства.

Не судьба:

Тут темнотища такая, – сказал Молодой, – после коридора ничего не видно. – А свет было не судьба включить? – ввязался опять взявшийся ниоткуда и одновременно откуда-то сбоку Фил. – Меня после того раза не тянет как-то свет везде включать, я уже дома иногда опасаясь, – сказал Молодой [А. Б. Сальников. Отдел // «Волга», 2015, НКРЯ].

Употребление дискурсивного маркера *не судьба* позволяет придать высказыванию оттенок недовольства, возмущения, негодования.

2. Английский язык:

Anyway; why should I:

– *What's that? I'm afraid that's classified. Hah.*

– *OK, just let me get this clear... You want me to do you a favor, helping you find something but you're not gon na tell me what it is. Electro wasn't working alone.*

– *Yeah, I guess not. That dumbass isn't smart enough to pull off a Shield job.*

– ***Why should I care anyway?*** *I mean don't you have plenty of superheroes in your little club to take care of something like this? You know Electro better than anyone [COCO].*

Данный пример с дискурсивными маркерами *anyway* и *why should I* демонстрирует категоричность высказывания, осуждение, недовольство.

Now then:

– *It was just a very low part, there was a little shopping area just round there at the time er, a butcher's shop and a greengrocer's shop and a Post Office, Street was the Post Office on the corner, and then Street and Road which lead down into Lane and just round oh just round there you see, but I was born at the last house in the Street almost at the bottom of Street. **Now then** what else do you want to know?*

– *What sort of house was it?*

– *Oh just an ordinary house, nothing er nothing pretentious [BNC].*

Здесь *now then* актуализирует следующие функции вызова, побуждения.

What do you mean; What on earth; How could you:

'What do you mean?' *she cried, grabbing at his arm to make him stop walking. 'What on earth do you mean?' Alarmed by her vehemence, Nicky replied, 'I've been meaning to tell you for ages. But the time was never right, somehow.' Meaning to tell me? Why didn't you tell me straight away? **How could you** keep it a secret -- after all I've told you?' Bursting into tears, she turned and ran back through the wood, pushing blindly through the ferns, stumbling, hot and panting, determined to get away from Nicky so that she could try to think straight. He ran after her, calling her name, but she ignored him and kept running until she reached the road [BNC].*

Дискурсивные маркеры *what do you mean, what on earth, how could you* в данном контексте выражают возмущение и негодование.

В результате все приведенные выше дискурсивные маркеры русского и английского языков в свете выполняемых ими функций можно охарактеризовать как «конфликтогенные», так как они интенсифицируют категоричность и усугубляют негативную тональность.

Описание функционального потенциала подобных маркеров важно для последующего формирования навыков предотвращения проявления подобного явления в речи и построения эффективной речевой коммуникации.

Заключение

Применение функционального подхода позволяет выявить языковые средства актуализации лингвистической конфликтности и дискурса в целом. Проанализированные дискурсивные маркеры реализуют прагматико-коммуникативную функцию в дискурсе повседневности, выражая прямолинейность, категоричность, побуждение, уверенность, вызов, осуждение, иронию, возмущение, удивление, недовольство, негодование и осуждение. Владение подобного рода «интолерантными» единицами дискурса препятствует продуктивному общению и коммуникативной безопасности личности. И, напротив, владение «толерантными» единицами дискурса способствует обеспечению продуктивного общения и коммуникативной безопасности как отдельной личности, так и общества в целом.

В современном обществе важно умение вести цивилизованный диалог в любой среде, объективно излагать факты, снижать категоричность и прямоту умозаключений и выводов в речи, чтобы оставаться в рамках общепринятых норм речевого поведения. Корпусный анализ языковых средств позволяет изучать данное явление на аутентичных речевых употреблениях и повышать осознанность их выбора, формируя положительный образ представителей лингвокультуры [Горина, Храброва, 2017, с. 50].

Проведенный анализ позволяет предположить, что в каждой лингвокультуре существуют свои нюансы и критерии оценки конфликтности высказывания, определяющие коммуникативные нормы. В национальном стиле коммуникации отражается коммуникативное сознание народа, его культурные ценности и традиции, поэтому исследование национальных стилей особенно эффективно на междисциплинарном уровне, специалистами этнопсихолингвистики, социолингвистики, миграционной лингвистики, лингвистической прагматики и т. д. К перспективам исследования данной проблемы можно отнести ее изучение в лингводидактическом аспекте, а именно с целью формирования эмотивно-прагматической компетенции [Ларина, 2015, с. 159], которая включает знания, умения и навыки, адекватную интерпретацию эмотивного действия представителей различных лингвокультур, понимание прагматического значения и функциональной направленности.

Список литературы

1. Будко К. В. Классификация языковых средств выражения вербальной агрессии в интернет-комментариях // Рефлексия. 2016. № 6. С. 20–23.

2. Воронцова Т. А. Типология речевого поведения (коммуникативно-прагматический аспект) // Cuadernos de Rusística Española. 2009. № 5. С. 21–31.
3. Глухова И. В. Лексико-семантические способы выражения речевой агрессии (на материале англоязычных печатных СМИ) // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 12 (408). Филологические науки. Вып. 110. С. 62–70.
4. Горина О. Г., Храброва В. Е. Лингвистический хеджинг как коммуникативная стратегия (в русле корпусных исследований) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15. № 3. С. 44–53.
5. Декларации принципов толерантности. URL: <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php> (дата обращения: 25.07.2020).
6. Зубарева Е. О. Шустова С. В. Синтагматический анализ концепта МИГРАЦИЯ (на материале корпусных данных) // Миграционная лингвистика. Научный журнал, № 1. Пермь, 2019. С. 23–42.
7. Кронгауз М. А. Речевой этикет. URL: <https://postnauka.ru/video/12524> (дата обращения: 25.07.2020).
8. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.07.2020). НКРЯ
9. Тубалова И. В. Специфика организации дискурсов повседневности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 4. С. 41–52.
10. Ларина Т. В. Национальный стиль вербальной коммуникации: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2005. № 7. С. 26–31.
11. Ларина Т. В. Прагматика эмоций в межкультурном контексте // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 144–163.
12. Путина О. Н. Вербальная агрессия: функциональный аспект (на материале дискурсивных маркеров) // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. Научно-практический методический журнал. Том 14. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 2020. С. 67–72.
13. Рязановский Л. М. Радио и эмоцио фразеологии СМИ // Трофимова Н. А., Манукян Я. А., Мегрелишвили Т. Г., Рязановский Л. М., Шустова С. В., Сюткина Н. П. Ratio at Emotio: Рациональное и эмоциональное в языке и речи. Санкт-Петербург: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2020. 170 с.
14. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. 1973 / Пер. с англ. Э. М. Телятниковой, Т. В. Панфилова. Москва: Аст, 2004. 635 с.
15. Хруненко А. В. Антиэтикетные формы речевого поведения в интолерантных ситуациях общения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 82–1. С. 381–387.
16. Царенко Н. М. Дискурсивные маркеры русского языка как элементы лингвистической интеграции мигрантов // Миграционная лингвистика. Научный журнал, № 1, Пермь, 2019. С. 105–110.

17. Царенко Н. М., Шустова С. В. Дискурсивные маркеры: прагмалингводидактический подход. Монография. Пермь: «Пермский институт экономики и финансов», 2018. 148 с.
18. Шустова С. В., Журавлева Е. Р., Путина О. Н., Исаева Е. В. Дискурсивные маркеры: прагмалингвистический и прагмалингводидактический аспекты. Монография / Научн. ред. доктор филологических наук, проф. Е. В. Боднарук. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2020. 152 с.
19. Шустова С. В. Платонова Е. А. Рекламный дискурс и рекламный текст: к вопросу о функциональном потенциале. Пермь: Изд-во «Пермский институт экономики и финансов», 2016. 96 с.
20. BNC – British National Corpus. URL: <https://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 25.07.2020).
21. COCA – Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 25.07.2020).

Putina O. N.

Senior Lecturer,

Department of English Professional Communication,

Perm State University, Perm, Russian Federation

LINGUOCONFLICTOGENICITY AS A PARAMETER OF THE NATIONAL STYLE OF VERBAL COMMUNICATION (ON THE EXAMPLE OF DISCOURSE MARKERS)

In the proposed article, the concept of national style of verbal communication is considered in terms of two parameters: linguistic conflictogenicity and linguistic tolerance. The functional approach in the research allows revealing the typical linguistic means of linguistic conflictogenicity in the Russian and English languages – discourse markers, the pragmatic potential of which consists in their functions realized in the context. Corpus analysis of language means allows studying these phenomena on authentic speech usage. Such "conflictogenic" means strengthen the categoricity of the statement, increase the degree of communication, intensify the negative tone of speech. The study of linguistic conflicts is relevant for further study of the typical linguistic means of actualizing linguistic tolerance in the light of globalization, cross-cultural communication, integration, migration and urbanization of modern society. Each linguoculture has its own specificity and criteria for assessing the conflictogenicity of a statement.

Keywords: tolerance, intolerant, linguistic conflictogenicity, linguistic tolerance, national style of verbal communication, conversational discourse, discourse marker, pragmatic potential, function, context.